

Формирование международно-правового режима Каспийского моря

А. М. Ибрагимов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и евразийского права Юридического института
Дагестанского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет,
367000, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43.

E-mail: ahmed63@yandex.ru

Э. Г. Буттаев

аспирант Дагестанского государственного университета,
вице-президент Союза «Торгово-промышленная палата Республики Дагестан».

Адрес: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет,
367000, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43;

Союз «Торгово-промышленная палата Республики Дагестан»,
367000, г. Махачкала, ул. Батырая, д. 11, офис 425.

E-mail: eldar.buttaev@mail.ru

Formation of the International Legal Regime of the Caspian Sea

A. M. Ibragimov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International and Eurasian Law at the Law Institute
of Dagestan State University.

Address: Dagestan State University,
43 Magomet Gadzhiev Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation.

E-mail: ahmed63@yandex.ru

E. G. Buttaev

Postgraduate Student of Dagestan State University;
Vice-President of the Union "Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Dagestan".

Address: Dagestan State University,
43 Magomet Gadzhiev Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation;
Union «Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Dagestan»,
Office 425, 11 Batyrya Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation.

E-mail: eldar.buttaev@mail.ru

Поступила 17.12.2025 Принята к печати 29.01.2026

Аннотация

Статья представляет собой всесторонний анализ эволюции международно-правового статуса Каспийского моря, начиная с IX в. и до конца XX в., с акцентом на двусторонние отношения между Россией (позднее – СССР) и Персией (Ираном). Авторы прослеживают, как ранние торговые и военные взаимодействия славянских племен с населением прикаспийских территорий переросли в системное расширение влияния России в XVI–XIX вв., закрепленное ключевыми договорами, такими как Санкт-Петербургский (1723), Рештский (1732), Гянджинский (1735), Гюлистанский (1813) и Туркманчайский (1828), которые устанавливали правила мореплавания, торговли и территориальных уступок, а также монополию России на военный флот. В период после 1917 г. советская политика привела к аннулированию прежних соглашений и заключению новых договоров. Конвенции 1921, 1927, 1931, 1935 и 1940 гг. подтвердили закрытый статус Каспия как «советско-иранского» водоема с ограничениями для внерегиональных сил. Исследование подчеркивает преемственность правовых норм, необходимость модернизации статуса моря после распада СССР с появлением новых прибрежных государств (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) и роль многосторонних механизмов для достижения консенсуса по Каспию.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, Каспийский регион, правовой режим Каспийского моря, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, международное право.

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of the evolution of the international legal status of the Caspian Sea from the 9th century to the late 20th century, with an emphasis on bilateral relations between Russia (later the USSR) and Persia (Iran). The authors trace how early trade and military interactions between Slavic tribes and the population of Caspian territories developed into a systematic expansion of Russian influence in the 16th–19th centuries, cemented by key treaties such as the Treaties of St. Petersburg (1723), Resht (1732), Ganja (1735), Gulistan (1813), and Turkmenchay (1828), which established rules of navigation, trade, and territorial concessions, as well as Russia's monopoly on the navy. In the period after 1917, Soviet policy led to the annulment of previous agreements and the conclusion of new treaties. The conventions of 1921, 1927, 1931, 1935, and 1940 confirmed the closed status of the Caspian Sea as a "Soviet-Iranian" body of water with restrictions on extra-regional powers. The study emphasizes the continuity of legal norms, the need to modernize the sea's status after the collapse of the USSR with the emergence of new littoral states (Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan), and the role of multilateral mechanisms in achieving consensus on the Caspian Sea.

Keywords: law, legal regulation, Caspian region, legal regime of the Caspian Sea, Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, international law.

На протяжении длительного времени международно-правовой статус Каспийского моря напрямую зависел от отношений между двумя прибрежными государствами – Россией и Персией. Заключенные между ними договоры регулировали территориальные разграничения, порядок пребывания в акватории военных и торговых судов, правила торговли, взимания пошлин и налогов, права и обязанности подданных, а также другие аспекты. После распада Российской империи и образования Советского Союза «каспийская» договорно-правовая база была радикально пересмотрена и расширена. Благодаря новым соглашениям и договорам государства-соседи достигли компромиссов по многим вопросам двустороннего взаимодействия. Новая эпоха в истории региона началась с распада СССР и появления дополнительных прибрежных государств: наряду с Россией и Ираном в каспийскую политику вошли Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. В связи с этим стала очевидной необходимость скорейшей модернизации юридического режима водоема и его сведения к общему консенсусу [4].

Для достижения этой цели на различных уровнях, включая высший уровень межгосударственного диалога, сформировались многосторонние механизмы сотрудничества, в рамках которых велась работа по согласованию положений будущего всеобъемлющего договора – своего рода «конституции» каспийского взаимодействия. При этом естественным следствием региональных событий стало возникновение новых проблем и вызовов, требующих должной реакции от прибрежных

стран. Для более полного раскрытия замысловатой картины взаимоотношений в Каспийском регионе и причин ранее возникших разногласий мы решили проследить эволюцию международно-правового статуса Каспийского моря через призму формирующих его юридических документов. В исследовании рассмотрены ключевые положения основных двусторонних и многосторонних договоров, определяющих режим водоема на разных исторических этапах, с целью выявления их взаимосвязей и преемственности правовых норм.

Итак, отметим, что проникновение славянских племен в Каспийский регион датируется серединой IX в. Арабские летописи, в частности, труд персидского географа Абу-ль-Касима ибн-Хордабеха «Книга путей и государств», сообщают, что русские купцы в это время вели активную торговлю с прибрежными народами и использовали Джурджанское (Каспийское) море для доставки товаров в Багдад [2. – С. 233]. Информация о богатствах Востока быстро распространялась с кораблями торговцев и пробуждала интерес у других племен, что привело к нескольким опустошительным походам русов в начале X в. на прикаспийские территории, в первую очередь на Табаристан (южное побережье) и Ширван (западное побережье) [2. – С. 233].

С международно-правовой точки зрения упомянутые походы представляли собой несанкционированные вторжения, нарушавшие суверенитет прибрежных государств и не имевшие юридического обоснования, соответствующего действовавшим в тот период международным обычаям.

Закрепление Древней Руси в регионе способствовало продлению до Каспия знаменитого водного пути «из варяг в греки», существовавшего с середины IX до XIII в. и по сути ставшего государствообразующим для нее. Угасание этой торговой артерии с середины XIII в. было вызвано татаро-монгольским нашествием, которое замедлило развитие русского государства и надолго отрезало славянские народы от каспийского направления.

Возвращение России в регион совпало с успехами военной кампании Ивана IV Грозного по завоеванию Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств. Включение этих территорий позволило русскому государству восстановить доступ к каспийским торгово-транспортным путям и начать экспансию на юге. К концу XVI в. Москва установила контроль над ключевым участком Волжско-Каспийского водного пути, соединявшим Восточную Европу с Индией, и подключилась к одному из самых выгодных транзитных коридоров Евразии.

В то же время дальнейшее освоение южного направления было связано со стабилизацией отношений с соседями – Персией, Кокандским, Хивинским и Бухарским ханствами. Серьезной проблемой стали постоянные нападения на русские торговые суда со стороны туркменских племен и разбойных казаков. Чтобы обезопасить позиции, закрепить успехи и создать базу для продвижения в Центральную Азию, Индию и Афганистан, было решено сделать ставку на постепенную ассимиляцию местных народов, создание сети укрепленных форпостов (Кавказской линии) и формирование боееспособного флота на Каспии. Активно поощрялось развитие торгово-экономических связей, особенно с Персией, которые Москва рассматривала как инструмент «мягкой силы».

Целенаправленное установление контроля над Каспийским регионом как стратегическим центром Евразии началось при Петре I. В переписке с резидентом в Константинополе И. И. Неплюевым он отмечал: «Наши интересы отнюдь не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась». Во время правления Петра I были организованы военно-научные экспедиции (1714–1717 гг.) под руководством князя А. Бековича-Черкасского [1] для изучения восточного побережья и создания опорных пунктов для продвижения в Центральную Азию. Одновременно в 1715 г. в Персию для укрепления торговых связей было направлено посольство во главе с

А. П. Волынским [6]. Результатом стало подписание 30 июля 1717 г. двустороннего Договора о торговле российских купцов в Персии, первого официального юридического документа в истории отношений двух стран, знаменующего дипломатический успех России. Договор устанавливал свободный порядок торговли и запрещал нарушения прав русских негоциантов.

При Петре I в 1722 г. на Каспии сформировалось также первое регулярное соединение русского боевого флота – Каспийская военная флотилия, активно использовавшаяся в Персидском походе (1722–1723), проводившемся под предлогом помощи Персии в подавлении бунтов в афганских провинциях. По итогам кампании 12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был подписан мирный договор – первое двустороннее политическое соглашение между Россией и Персией, затрагивающее территориальные вопросы. В обмен на «вечную дружбу и вспоможение» персидский шах Тахмасп II уступал в «вечное владение» России города Дербент и Баку, а также прикаспийские провинции Гилян, Мазендеран (центры шелководства) и Астрабад (совр. Горган) [5].

С правовой точки зрения означенный договор устанавливал международно-правовой прецедент территориальных уступок на основании двустороннего соглашения, что соответствовало принципу суверенного равенства государств, действовавшему в международном праве того периода.

Первоначально персидские власти отказывались признавать договор, но успехи русских войск в 1725 г. вынудили их ратифицировать документ.

Вскоре стало ясно, что удерживать приобретенные территории сложно из-за высоких издержек на безопасность и снабжение войск, а также значительных людских потерь: по разным оценкам, с 1722 по 1735 г. в Персии погибло от 45 до 100 тыс. русских военнослужащих. В этой связи Россия предложила пересмотреть договор. Согласно Рештскому мирному трактату от 21 января 1732 г. Персии возвращались провинции Гилян, Мазендеран и Астрабад, а взамен русским купцам гарантировалась беспопышная торговля на всей персидской территории.

Начавшаяся в 1733 г. война за Польское наследство обострила отношения между Россией и Османской империей. В этих условиях правительство Анны Иоанновны решило поддержать Персию в ее войне с турками и предложило военный союз. Для согласования условий в Исфахан было направлено посольство во главе с князем

С. Д. Голицыным. Результатом переговоров с правителем Персии Надир Кули-ханом стало подписание 10 марта 1735 г. Гянджинского трактата. Россия возвращала Баку и Дербент с землями в обмен на обещание Персии продолжать войну с Османами и не заключать сепаратный мир. Трактатом фиксировались вечная дружба, взаимная военная поддержка, свобода торговли и учреждение российского консульства в Реште.

Планомерное закрепление российского присутствия на Кавказе в XVIII в. (основание казачьих станиц, крепостей Кизляра и Моздока, протекторат над Грузией в 1783 г., миграция переселенцев) беспокоило Великобританию, видевшую в этом угрозу своим интересам в Индии. Интриги Лондона привели к русско-персидской войне 1804–1813 гг. Несмотря на обещания, британцы не оказали поддержку Персии, что привело к ее поражению. 12 октября 1813 г. был заключен Гюлистанский трактат вечного мира и дружбы: по нему Персия уступала России Карабахское, Гянджинское, Шехинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и часть Талышского ханств, а также Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мегрелию и Абхазию. Этим историческим документом впервые постулировалось право обеих стран на торговые корабли по всему водоему, но исключительное право на военный флот оставалось за Россией. Договор стимулировал также торговлю, что было немаловажно.

Данное соглашение с международно-правовой точки зрения закрепило принцип разделения функций: военная безопасность – исключительная компетенция России, торговое мореплавание – общая компетенция прибрежных государств.

Между тем Тегерану было трудно смириться с потерей территорий, и Лондон использовал это для провоцирования новой войны. Как часто отмечается в литературе и в устном предании, Англия не скрывала, что желает видеть Иран государством, обладающим военным флотом на Каспийском море, для чего была готова оказывать ему любую помощь вплоть до отправки в этот район офицеров, матросов, кораблестроителей, плотников и т. д. В 1814 г. был подписан англо-персидский договор «о вечном мире», обещавший пересмотр границ и помощь в конфликте. Воодушевленная Персия напала в 1826 г. на Карабах и Талыш, но к 1827 г. инициатива перешла к России. 10 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский трактат, ставший основой отношений стран до распада империи. Персия подтверждала потери,

уступала Эриванское и Нахичеванское ханства и платила контрибуцию в 20 млн. серебряных рублей. Подтверждалось исключительное право России на военный флот; торговые суда плавали свободно.

В пакете был подписан Трактат о торговле, сохранявший права русских купцов на свободную торговлю в Персии, с изложением правил выплаты пошлин, обращения с недвижимостью, судами и т. д. Эти документы укрепили позиции России на Кавказе и в Прикаспии, открыли путь в Среднюю Азию, ограничив влияние Британии.

Тем временем, после Ахалтекинской экспедиции 1881 г. генерала М. Д. Скобелева, возникла необходимость в установлении юго-восточной границы. Конвенция о разграничении к востоку от Каспийского моря была подписана 9 декабря 1881 г. в Тегеране; окончательный раздел произошел в 1893 г.

В XVII–XIX вв. Россия присоединила значительные территории Закавказья и Средней Азии через завоевательную политику, закрепила господство и распространила влияние на Прикаспий. К неудовольствию османов и Британии, были заключены договоры с Персией, отвечающие российским интересам. Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.) трактаты заложили основу торговли. В XIX в. Гюлистанский (1813 г.)¹ и Туркманчайский (1828 г.)² договоры закрепили принципы: только суда прибрежных государств могут находиться в акватории Каспия, за Россией же закреплялась монополия на военный флот. Персия могла иметь только торговые суда. Русский юрист Ф. Ф. Мартенс отнес Каспий к закрытым морям, подчиненным России по Туркманчайскому договору, где Персия отказалась от военных судов. Тегеран признал приобретения России, что означало потерю контроля над Кавказом. Русские купцы получили преференции для торговли.

С правовой точки зрения в этот период оформился первичный международно-правовой статус Каспийского моря как закрытого водоема, подчиненного юрисдикции только двух прибрежных государств – России и Персии, с четким разграничением компетенций в военной и торговой сферах.

¹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. – М., 1946. – С. 24–29.

² Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. // Под стягом России : Сборник архивных документов. М., 1992.

Несмотря на то, что с XVIII до начала XX в. «правила игры» в регионе определялись соглашениями России и Персии, после Октябрьской революции 1917 г. в России советское правительство решило в этом отношении радикально пересмотреть внешнюю политику. Отказ от «империалистического наследия» включал прекращение «насилованных» действий. Побывавшая полуколонией, разделенной на сферы влияния России и Британии по конвенции 1907 г., Персия вошла в список этих территорий.

16 января 1918 г. в «Известиях» было опубликовано заявление Совнаркома РСФСР об аннулировании ущемляющих Персию договоров, объявлявшее их недействительными. Ей передавались банки, дороги, порты, телеграфы, а также прощался долг в 75 млн. золотых рублей.

26 февраля 1921 г. в Москве был заключен базовый Договор между РСФСР и Персией, заложивший основу равноправных связей. Он отменял предыдущие соглашения, признавал право народов на самоопределение и «перезагружал» отношения. Им фиксировались границы (без точной делимитации на Каспии), устанавливался отказ от вмешательства, вводилось аннулирование займов, предусматривалась передача имущества и была произведена отмена консульской юрисдикции.

Ключевыми в этом договоре были статьи 5 и 6, допускавшие ввод советских войск в случае поступления угроз от третьих стран. Это было сделано на время, для защиты от белогвардейцев и британцев. В период после 1979 г. Иран заявил об их недействительности.

В отношении Каспия данным договором вводились новшества: упразднялись ограничения по Туркманчайскому трактату, устанавливалась равная свобода мореплавания для судов обеих стран (монополия России была отменена); Персии передавались рыболовные промыслы. В правовом отношении Договор 1921 г. знаменовал собой переход от неравноправного договорного режима к паритетному статусу прибрежных государств в акватории Каспийского моря.

Хотя закрытый характер моря в тексте прямо не указывался, данный договор подтверждал статус-кво, исключая иностранные суда. Он пресекал попытки Запада эксплуатировать нефть. Британский журнал «Nation» отмечал между тем рост русского влияния благодаря самопожертвованию.

В развитие договорного процесса 1 октября 1927 г. с Персией было подписано Соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного Каспия, создавшее предприятие «Персрыба» на 25 лет¹.

Положение о судах только двух стран подтверждалось в конвенциях 1931 г. (ст. 16), 1935 г. (ст. 14) и Договоре 1940 г. (ст. 13). Последний фиксировал режим наибольшего благоприятствования, права торгпредства и исключительное право на рыболовство в 10-мильной прибрежной зоне, впервые вводя элементы национальной юрисдикции. Каспий, как «море советское и иранское», закреплял свой закрытый статус.

С развалом Российской империи политика на Каспии изменилась: старые договоры были аннулированы, монополия на флот упразднена. Договоры 1921 и 1940 гг. усилили межгосударственные связи СССР и Ирана, исключили из Каспия внерегиональные силы. Этими договорами установились такие принципы, как равная свобода мореплавания только для судов двух стран и свобода рыболовства за пределами 10-мильной зоны. Закрытый характер Каспия был подтвержден.

Эксперты отмечают негласную границу по линии Астара – Гасан-Кули для внутренних целей СССР, но без международно-правовой основы и признания Ираном. Границы между государствами проходили по берегу, акватория закрепилась в общем пользовании².

К концу XX в. на Каспии сложился особый правовой порядок, отвечавший интересам сторон и строго соблюдавшийся. На новейшем этапе для устойчивости правового режима Каспия необходимы: а) четкая, детальная договорная регламентация статуса водной поверхности, дна и недр; б) согласованный допуск и режим судоходства; в) распределение биоресурсов с учетом прибрежных зон и мер сохранения; г) закрепление запрета на присутствие военных сил некаспийских государств и механизмов верификации. Эти вопросы решены новой Конвенцией о правовом статусе

¹ Соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря между Союзом Советских Социалистических Республик и Персией. 16 декабря 1927 года // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1928 г. – № 31-68. – Отдел второй. – М., б. г.

² Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15 : Россия и Иран: пять веков сотрудничества. – М. : ИВ РАН, 2018. – С. 55.

Каспийского моря от 12 августа 2018 г. далеко не в полном объеме.

Таким образом, проведенный нами анализ исторических фактов и международных договоров позволяет сформулировать следующие выводы и обобщения.

1. Правовой режим Каспийского моря в XVIII–XX вв. закреплялся как статус закрытого двустороннего водоема на договорной основе. Ключевыми элементами стали: а) допуск к судоходству исключительно для прибрежных государств; б) исключение военно-морского присутствия третьих стран; в) специальный рыболовный режим с национальными прибрежными зонами.

2. Дореволюционные договоры (1813, 1828 гг.) установили монополию России на военный флот при свободе торгового судоходства двух сторон. Советско-иранские договоры 1921 и 1940 гг. сме-

нили одностороннюю монополию на паритет, подтвердив закрытый характер моря и юридический недопуск внерегиональных сил.

3. До распада СССР делимитация акватории *de jure* отсутствовала; применялся режим общего пользования при четкой сухопутной границе. Внутригосударственные советские технические линии не порождали международно-правовых последствий.

4. Распад СССР создал правовой вакуум в части субъектного состава прибрежных государств и потребовал перехода к многосторонней кодификации с учетом норм общего международного права о внутренне-материковых водоемах, недрах, биоресурсах и экологии, при сохранении базового принципа закрытости от третьих государств.

Список литературы

1. Андреев А. А. Московские годы жизни князя А. Б. Черкасского // Новое прошлое. – 2018. – №3. – С. 20–31.
2. Боголюбов А. М., Боголюбова Н. М. Россия и Восток. Особенности межцивилизационного взаимодействия в эпоху Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Сер. 13. Вып. 4. – С. 111–116.
3. Зембатова Б. В. Правовой статус Каспийского моря в контексте проблем текущего этапа развития отношений между странами «Каспийской пятерки» // Экономика. Право. Общество. – 2022. – № 2. – С. 37–43.
4. Ибрагимов А. М. О международном правовом статусе Каспийского моря. Некоторые новые оценки положения дел // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 120–123.
5. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. – М., 1983.
6. Рахеев Дж. Я. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в годы северной войны (1700–1721) // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2007. – № 16. – С. 168–171.